

А.Н. МЕЩЕРЯКОВ. СТАТЬЯ ЯПОНЦЕМ.

М.: Эксмо, 2012. 432 с., ил.

© 2013

Э. А. СИНЕЦКАЯ

В предисловии книги автор отмечает, что при всем внимании, которое, казалось, уделяется в нынешней культурологии проблеме телесного, само тело (плоть человеческая) “странным образом предстает оторванным от исторического процесса” (с. 7). А ведь именно движение тел (носителей этой самой телесности), из коих состоит человеческое сообщество в мире и в каждом отдельном регионе, и является историей: “без человеческого тела человеческая история была бы попросту невозможна” (с. 8). И А.Н. Мещеряков предпринимает некую “наводку на резкость”, дабы предоставить читателю возможность взглянуть каждого отдельного японца и понять, как он – во плоти, в теле своем включается в исторический процесс. И это получается у автора весьма ярко и доходчиво!

Представляется ценным замечание о важности особенностей телесного поведения, которые могут служить как “убыстрению”, так и “замедлению” истории, «если понимать под “историей” приращиваемую информацию, имеющую отношение к социальной сфере». Автор утверждает, и очень доказательно, что японские примеры наглядно показывают, как всеобщая и строгая предписанность поведения (так называемая этикетность, или церемониальность) явственно “замедляет” историю, блокируя асоциальное и антигосударственное поведение, тогда как в отсутствие таковой в обществе наблюдается генерация событий, а стало быть, эскалация конфликтных ситуаций, что и есть “ускорение” истории (с. 8). Однако с первых контактов со страной отмечаемая иностранцами церемониальность поведения японцев подвергалась осуждению как свидетельство “косности”, признак “феодальности” стиля жизни и вовсе не считалась заслуживающей внимательного изучения и непредвзятого осмысления с точки зрения ее влияния на историю страны. Исследователь пришел к выводу, что церемониальность является не следствием отсталости социально-государственного устройства, а активным фактором движения Японии в истории (с. 9).

В рамках темы автор прежде всего рассматривает вопрос о “принадлежности” тела. При всей очевидности для современного человека ответа на этот вопрос “распорядительными полномочиями” по отношению к собственному телу человек практически никогда не обладал: в христианской культуре тело принадлежало прежде всего богу (отсюда и осуждение самоубийства), а на различных этапах развития европейского общества – главе семейства, собственнику средств производства, государству. При этом, отмечает автор, степень принадлежности соответствующему “владельцу” в Японии была значительно выше, чем в Европе, “вопрос о свободе воли и тела в японской культуре и истории попросту не обсуждался” (с. 10). В конкретных обстоятельствах, в мирное время (в эпоху Токугава) тело принадлежало прежде всего родителям и функционировало в заботе о стареющих родителях; в других условиях – при слиянии с общественным “организмом” осознание малой ценности собственного тела приводило к жертвенности (вплоть до добровольной смерти). При “национализации” тела (конец XIX – первая половина XX в.) государство, ранее не вмешивавшееся в репродуктивный процесс, стало поощрять рождаемость, а последовавшее перенаселение страны, по мнению автора, способствовало экспансионистским устремлениям Японии.

Очень важно замечание А.Н. Мещерякова, что телесные навыки закреплены на уровне спинного мозга и плохо поддаются перекодировке с помощью вербальных средств (с. 11).

Исходные даты представленного исследования – основание сёгуната Токугава (1603 г.), ибо с этого события началась эпоха, резко и сущностно отличающаяся от прошлого (оставившего, бесспорно, свой след в подсознании культуры). Весь исследуемый период автор подразделяет на три основные части.

В части I (“Мир Токугава. Тело, дарованное Небом и родителями”), охватывающей более чем два с половиной столетия истории страны, на 134 страницах рассказано о накоплении тех особенностей и характеристик, «которые послужат в дальнейшем предпосылкой для формирования “японца” (его образа)” (с. 13). Несмотря на замечание автора, что он “по необходимости кратко” рассказывает “о государственных, общественных и интеллектуальных обстоятельствах, при которых приходилось жить японцу и его телу в эпоху Токугава”, сделано это чрезвычайно емко. Сами названия пяти глав этой части весьма информативны, как и в целом в книге (при этом

нельзя не отметить определенную “элегантность” этих названий, отсылающих к иной ипостаси автора – как участника не только научного, но и литературного процесса). Названия глав – это те ключевые моменты, которые автор выделяет в качестве значимых для темы его размышлений.

Интересно, что уже в названии главы 1 “Власть и общество: верность, порядок и экономия”) акцент делается на морально-этических моментах. Экономика (традиционно первенствующая в нынешних характеристиках государства/общества) стоит на последнем по списку месте, однако описаны все экономические параметры весьма сжато, но более чем адекватно требованиям темы.

Особенностью ситуации в Японии в этот период ее истории автор отмечает почти полную изоляцию от остального мира. Море не сулило открытий и обретений, а воспринималось лишь “как среда, которая является проводником дурных флюидов, влияний, опасностей, нашествий” (с. 18). Но, считает автор, это давало возможность власти не отвлекаться на дела внешние, а “всю свою энергетику” направлять “на обеспечение незыблемости установленного порядка” (с. 40).

Токугава Иэясу выстроил прочнейшую политическую систему, к XVIII в. обретшую окончательную стабильность. Этому способствовал ряд “не только политических, но и мировоззренческих” убеждений, “завещанных Иэясу потомкам”. Главное, отмечает автор, – это строительство Японии как конфедерации княжеств. Не менее существенно – система отношений сёгуната и императорского двора, где император являлся “главным источником ритуалов и церемоний”, покровителем наук и искусств, т.е. в духе неоконфуцианства олицетворял примат светско-духовной власти над военной (с. 28). Внимательно рассмотрена автором жестко регламентированная социальная структура страны, а также демографическая политика: четкий контроль за перемещением своих подданных, но преимущественный интерес скорее к «качеству» [моральные ценности, степень повиновения], а не к количеству населения) (с. 31). Превращение храмов (в том числе обязанных регистрировать рождения и смерти) в одно из подразделений административного аппарата предопределило обязательную приписку каждого к ближайшему буддийскому храму. В XVII–XVIII вв. “трудолюбие” представлялось общепризнанной добродетелью и даже стало “эквивалентом буддийской практики” (с. 33). Сложившийся тип хозяйствования, социальный уклад, традиционная пищевая диета (“близкая вегетарианской”) гарантировали локальный характер случаев голода, а то обстоятельство, что “элита [с непреложным кодексом поведения] предъявляла достаточно высокие требования по отношению к себе”, значительно сокращало коррупцию и беззакония и минимизировало массовые протестные движения (с. 49).

В названии главы 2 “Тело как инструмент служения и носитель церемониальности: не думать о себе, кланяться чаще и глубже” формулируется самое сущностное в отношении японца к своему телу. Сложнейшая и строжайшая регламентация поведения каждого японца в соответствии с его социальным статусом и возрастом в любой ситуации (дома, на улице, в гостях, в официальной обстановке) представлялась иностранцам непостижимой и вызывала нередко предвзятые суждения. В качестве примера приводятся слова И.А. Гончарова: “Изучение приличий составляет у них [японцев] важную науку, за неимением пока других” (с. 52). Разработкой и сохранением правил церемониальности занималось множество мыслителей эпохи Токугава, издавалось большое количество руководств. И по отношению к инструменту этикета (т.е. к телу) каждый японец обязан был неустанно проявлять заботу, ибо и сыновья почтительность, и лояльность самурая по отношению к сюзерену запрещали “портить здоровье и привечать болезни, сокращать дарованные Небом годы и умирать до срока” (с. 55).

В главе 3 “Тело одетое и тело нагое: встречать и провожать по одежке” автор подчеркивает основное отличие в отношении к телу в христианской и японской традициях. Для японца тело вовсе не являлось сосредоточением греховности. Сексуальность при этом считалась “проявлением творительных потенций Природы и Неба” (с. 84). Однако экспозиция обнаженного тела и его изображение были серьезно ограничены (с. 80): чем выше статус человека, тем меньшая часть его тела подвергалась экспозиции. При этом “простые” японцы “спокойно относились к нагому телу и его определенным частям”, что «не оскорбляло “тонких” чувств представителей японской элиты», но весьма раздражало иностранцев (с. 209). Чисто эстетическому любованию телом и его формами в японской культуре не было места. Общей в рассуждениях японских (вслед за китайскими) мыслителей о природе человеческого, удостоверяет автор, была идея о том, что одежда отличает человека от животного, человека от варвара. Для выбора одежды вовсе не удобство признавалось необходимым, а “сокрытие” тела. Литература, живопись страны отражает то, что “душа японца (во всяком случае, обладающего определенным статусом) была заключена не столько в чертах лица или в глазах, сколько в одежде, ее аксессуарах и причёске” (с. 102). Столь

же непримирима была традиция и к другим проявлениям индивидуальности, скажем мимике (ибо предписывалось непроницаемое выражение лица).

Идея, выраженная в заголовке главы 4 “Продление жизни: пестование тела”, представлялась как “условие для правильного функционирования общественно-государственного организма”. Эта специальная дисциплина – о “вскармливании жизни” (кит. *ян шэн*, яп. *ёдзё*), идущая с древности из Китая, получила широкое распространение в Японии в период Токугава (с. 111): не лечение болезней важно, а обучение людей профилактике различных заболеваний. Профессия врача, однако, была более чем распространена, тогда как отношение к всевозможным лекарям, чудодейственным средствам и эксцентрическим даосским практикам было отрицательным.

Поскольку японцами первенство Японии признавалось во всех отношениях и все в Японии признавалось нормой, то предсказуемо – “Тело иноземца: всё не так”, чему и посвящена глава 5.

Часть II “Тело в эпоху модернизации: прощай Азия!” начинается с главы 1 “Страна: от высокомерия к комплексам, от неподвижности к движению”. Япония, полагавшая себя под покровительством Неба, не обладала управленческим, научно-техническим, а следовательно, и военным потенциалом для отражения прямой военной агрессии. Под напором западных держав страна вынуждена была в 1854 г. пойти на открытие нескольких портов для “свободной торговли” – и уже в 1868 г. сёгунат Токугава пал как неспособный гарантировать безопасность императора и независимость страны. В результате вспыхнувшей гражданской войны к власти пришли силы, требовавшие модернизации (из тех “нескольких аристократов и низкорангового самурайства юго-западных княжеств”, потерпевших поражение в начале XVII в.). На трон был возведен юный Мэйдзи (1867–1912). Как пишет автор, для европейцев Азия представлялась «“спящим” архипелагом, который следовало поскорее “разбудить” для тех видов “цивилизованной” деятельности, которые считались на Западе наиболее престижными (промышленность, торговля, война)». В результате слишком резкой смены ориентиров психологическая травма японцев оказалась глубокой: “на какое-то время они перестали гордиться своей историей, культурой и даже географией (с. 153).

Ярко выраженное различие физического развития японцев служило для некоторых ученых подтверждением расовых теорий. Европейские вещи, инструменты, машины и вооружения явно не были рассчитаны на “тщедушных” японцев. “Кризис идентичности имел всеобъемлющий характер” (не в последнюю очередь и потому, что лишь тела “презренных” рикш – “прекрасно сложенных, с мускулистыми бронзовыми телами” соответствовали европейским представлениями о телесной красоте) (с. 156). Комплекс неполноценности Японии уже пережила много ранее относительно Китая, но тогда «единицей сравнения выступала “страна”, а не индивид... В этой рефлексии полностью отсутствовала телесность, комплекс неполноценности (превосходства) не затрагивал тело» (с. 158), т.е. не распространялся на каждого отдельного человека. Ныне те телесные и поведенческие характеристики, которые недавно ужасали японцев в европейцах, стали признаком “цивилизованного” человека, приняты за идеал, им следовало подражать. “Это была непростая задача” (с. 159). Да, были и технические реформы: стремление “прибавить в динамизме” в том числе привело к развитию транспорта (в 1872 г. вводится в действие первая железнодорожная ветка, соединяющая Токио и Иокогаму). Знаменитый мыслитель эпохи Мэйдзи Фукудава Юкити в 1885 г. в программной статье “Бегство из Азии” утверждал, что Японии по дороге не со своими соседями, а со странами Запада. Однако «“реформа тела” происходила медленнее, но, как казалось достаточно долгое время, она двигалась в верном направлении» (с. 163).

Названия следующих глав как бы перечисляют основные моменты этой самой “реформы тела”: глава 2 – “Тело японца: от кимоно к мундиру”, глава 3 – “Тело японки: отбеливание зубов и кожи”, глава 4 – “Японцы: разоблаченное тело”, глава 5 – “Стать выше: от риса к мясу, стоять, а не сидеть”, глава 6 – “Физкультура и спорт: сила грубая и сила мягкая”, глава 7 – “Больное тело: недуги старые и новые”, глава 8 – “Церемониальное тело: пусть будет как всегда”.

Конечно, прежде всего эта реформа касалась “элиты (горожан)”, которой предстояло отказаться от гиподинамии. А так как главным носителем прогресса служило само государство, в 1871 г. последовало предписание всем государственным чиновникам облачаться в европейское платье (как “в далеком VIII в., когда Япония модернизировалась по китайскому образцу, главным мотивом введения китайского платья тоже было желание походить на тогдашнего культурного донора” – с. 170). “Высочайшей моделью” выступал сам император: в европейском мундире, с

усами и бородой, которые теперь были мерилем “цивилизованности”, а ранее считались атрибутом “варваров” (с. 188). Поскольку среди японцев бытовало мнение, что «“слабость” их тела обусловлена многолетним миром», а “постоянные войны в Европе приводили к улучшению телесных кондиций”, милитаризация “превращалась в системное требование по реформе не только политики, но и тела” (с. 175). Направление запаха одежды, карманы (не вмещающие японских курительных трубок и вееров), материалы, идущие на пошив одежды и обуви (шерсть, кожа считались в Японии “нечистыми”) – все было стеснительно и травматично (не только в моральном, но порой и в физическом смысле). Но главное – европейская одежда «в значительной степени скрывала “статус” ее владельца» (с. 176).

Простолюдинам также предстояло изменить такой важный параметр, как одежда. Заметно возрастающий слой промышленных рабочих, одетых по-европейски, уже одним своим видом вызывал резко отрицательное отношение, и не в последнюю очередь по этой причине им приписывалось аморальное поведение. (И что самое интересное – такова же была самооценка рабочих. По признанию одного из них, “одеть крестьянина в европейскую одежду – все равно что дать нож маньяку”, с. 176). Одежда вызвала поведенческие новшества: менялись стиль и темп походки, это было непросто (император и в европейском мундире “приволакивал ноги”). Но японские солдаты, по мнению европейцев, маршировать учились довольно успешно. Однако полного отказа от национального костюма не происходило, ибо «европейская одежда не подходила к жизни “на полу”, что требовало коренной реформы интерьера японского дома». А это был процесс весьма длительный (с. 178).

Европейская одежда не могла закамouflировать отличия в теле, и неудачи в этой сфере приводили к высказываниям, что де “такая подражательность является постыдной” (с. 184). К тому же то, что “воспринималось в самой Японии как показатель приобщенности к “настоящей” цивилизации, оказывалось негодным оберегом против насмешек людей Запада» (с. 189), да и стиль жизни в Европе и Америке разочаровывал. Японцы “путешествовали в дальние страны, чтобы вернуться к собственным истокам”, объясняет автор настроения некоторых, ставших после вояжа за границу “поборниками национального, а не западного устройства мысли и жизни” (с. 190).

Японкам ношение европейского платья давалось с еще большим трудом. Кроме кроя одежды, европейской обуви для женщин стал обязательным корсет, который не только стеснял движение, но и затруднял дыхание. Европейская одежда могла резко противоречить статусу женщины: декольте обнажало шею, что считалось вызывающим знаком сексуальности, атрибутом гейш и проституток. Несмотря на призывы императрицы, женщины в результате “стали хранительницами не только очага, но и традиций” (с. 194). Конечно, японки менялись: гигиенические требования привели к короткой стрижке (красивые, сложные прически не позволяли японкам часто мыть голову, они делали это не чаще чем два раза в год); уходило в прошлое признанное нецивилизованным полное выщипывание бровей, чернение зубов (говорящее о замужнем статусе). Рекламируются и потребляются западные косметические и гигиенические средства; создаются соответствующие общества, приезжают европейские лекторы. Японских мужчин убеждают, что кроме реформирования своего тела им же принадлежит решающая роль в реформировании женского тела и призывают отказаться от прежнего идеала красоты. Одновременно первоочередным требованием к японкам было рождение здорового потомства и в большом количестве: ведь теперь японка имела обязательства не только перед родителями, перед мужем, но и перед всей страной, ибо “люди (их тела) рассматривались как важнейший ресурс” государства (с. 195).

В части III “Тело в эпоху тоталитаризма: между желтым и белым, между плотью и духом” мне наиболее интересной представляется глава 1 «“Жёлтая” опасность». Автор замечает, что на Западе “Японию знали плохо (значительно хуже, чем японцы знали Запад)”, а потому «инерция восприятия Японии как страны “азиатской” и “отсталой” была огромна» (с. 282). (И это несмотря на крупные успехи страны практически во всех сферах жизни. Так, в 1889 г. в стране введена конституция, в 1890-м – проведены первые парламентские выборы; введено обязательное четырехлетнее образование, созданы два императорских университета. Нельзя не отметить успешное развитие промышленности, рост экспорта товаров и природных ресурсов, например угля и меди; торговый флот конкурировал на Дальнем Востоке с американскими. В стране была создана развитая сеть железных и шоссейных дорог, телеграф и почта соединили отдаленные уголки страны. Армия и военный флот уже “представляли угрозу для соседей”.) И звучит рефреном в стране: Япония «должна проявить “мужество”, агрессивность и экспансионизм, то есть компетентность в военной сфере, что так ценилось на тогдашнем Западе» (с. 282).

В этом смысле победа в войне с Китаем (1894–1895) вызвала огромный энтузиазм в стране. Теперь Китай перестал быть гегемоном на Дальнем Востоке; и этот военный триумф многие посчитали прологом будущего мирового могущества. «Столь тщательно пестуемый концепт “динамизма” был истолкован по-экспансионистски». Звучали голоса, что “война нужна лишь для одного – чтобы японцы ощутили себя японцами”, “вернулись во времена благородной древности!” А победа Японии в войне с Россией не только привела в Европе к разговорам о блестящих качествах японского солдата, но и “кому-то даже стало казаться, что он [японский солдат] стал выше ростом” (с. 283). (Автор оговаривается, что здесь не обошлось без некоего злорадства по поводу поражения России.)

В самой Японии при этом телесный дискурс во время войны связывался не “с телесными габаритами, а с жертвенностью, с готовностью расстаться со своим телом” (как не вспомнить традиционную в самурайской культуре “смерть за хозяина”!). Героизм, жертвенность японцев произвели на весь мир неизгладимое впечатление. А в японских художественных произведениях того периода “жертвенность, готовность к телесным страданиям и расставание с телом осмыслились как родовые и уникальные черты японского народа” (с. 286). Японские евгеники утверждали, что, уступая европейцам в телесном и даже психологическом отношении на индивидуальном уровне, японцы «превосходят их во “врожденном” (т.е. передающемся на генетическом уровне) коллективизме» (с. 287).

Обыватели, да и некоторые политические деятели на Западе по-прежнему именовали японцев “обезьянами”, способными лишь к подражательству. Но в 1895 г. император Вильгельм II впервые употребил термин “желтая опасность”, имея в виду военные угрозы Японии для гегемонии западных держав. (Ранее этот термин бытовал в Америке в отношении китайских эмигрантов, составляющих конкуренцию местному трудовому населению.) Интересно отмечено, что японцы “примысливали себе белокожесть, в то же самое время представителей других азиатских народов они изображали желтокожими”. Несмотря на постоянные заявления японского правительства, что война с Россией “не имеет ничего общего со столкновением рас и религий”, общественное мнение Японии «в значительной степени воспринимало эту войну именно как расовую, она имела отчетливую “цветовую” окрашенность» (с. 291). В Японии военные победы как бы считались свидетельством того, что «страна окончательно “покинула” Азию», стала сопоставимой с мировыми державами. Однако на Западе “дискриминация приобрела качественно другое измерение”. Свидетельством тому стало следующее обстоятельство: японцам как представителям “желтых” (т.е. определяемых по одному из телесных признаков японца, возможно, кстати, спорно трактуемому) отказали на Парижской мирной конференции 1919 г. внести в устав Лиги наций пункт о расовом равноправии иностранцев в странах – участницах этой организации. Наиболее жестко по этому вопросу выступали США и Великобритания. «Всего несколько десятилетий назад именно США проявили особое рвение в деле “открытия” Японии, теперь уже Япония требовала большей открытости от США. Но силовых возможностей для достижения этой цели, – подчеркивает автор, – у Японии тогда не было» (с. 293).

А.Н. Мещеряков отмечает, что расистско-антропологический понятийный аппарат, который был разработан за пределами Японии и остро воспринимается в отношении к своим соотечественникам, зеркальным образом применялся японцами в отношении к народам с другим цветом кожи (“красной и черной”).

Не приведшее к результату стремление избавиться от своей азиатской идентичности актуализировало идеи паназиатизма. И это было обусловлено “не только и не столько геополитическими соображениями, сколько комплексом телесной обиды на белого человека”, – заключает главу автор. При этом изложенное выше делает этот вывод весьма убедительным (с. 295).

В главе 2 (“Стать европейцем”) автор констатирует, что если “война возвращала к архаике и самурайским идеалам”, то “мирные условия снова и снова приносили вестернизацию”. У меня создалось впечатление, что у автора наличествует определенная отрицательная коннотация этого понятия. (Впрочем, если я и ошибаюсь в данном случае, тем не менее могу засвидетельствовать, что сие – весьма распространенное явление, среди востоковедов в том числе. Новым подтверждением служит некое противостояние по этому вопросу среди участников конференции по Синьхайской революции, проведенной Отделом Китая в декабре 2012 г. Следует при этом признать, что противостояние “модернизации” и “вестернизации” началось значительно раньше 1950-х гг., как считают некоторые.) По тексту, под вестернизацией понимается “дальнейшее разрушение традиционной картины мира и среды обитания”, в условиях отсутствия диалога

культур, поскольку “информационный поток исходил с Запада и был однонаправлен” (с. 296). Признавая модернизацию закономерным и в целом положительным явлением, многие (как востоковеды, так и сами жители стран, в которых происходят кардинальные реформы) отмечают модернизацию в гуманитарном ее аспекте, что, в сущности, и называется обыкновенно вестернизацией. Мне представляется более адекватным мнение, что модернизация вовсе не ограничивается чисто материальной стороной проблемы (техника, технологии и иже с ними). Модернизация – «прежде всего воспроизведение в ином историческом контексте и по иным параметрам такого процесса преодоления средневековой традиции, который впервые осуществился на европейском Западе. Модернизация вызывает “цивилизационную революцию” (подчеркнуто мною. – Э.С.), продолжительную во времени и затрагивающую различные общественные институты, социальную психологию, культуру» (Страда В. Россия и Европа: вчера и сегодня // *Новая и новейшая история*. 2005. № 3. С. 74).

Соответственно вестернизации в Японии происходило “нарастание индивидуализации, т.е. острое осознание своих личностно-телесных интересов, пристрастий и вкусов”. В стране начались оживленные дискуссии, в том числе по поводу брачных отношений. Возникли и иные явления. Прекрасное знание японской культуры вообще и литературы в частности (которая, в сущности, только и может дать материал для понимания проблем самоидентификации и реакции на изменения в обществе на личностном уровне) позволяет А.Н. Мещерякову не только весьма тонко, точно и красочно описывать меняющиеся моды, стили поведения, формы общественного существования и формирования потребительской культуры, но и говорить о появлении новых стрессов и комплексов на индивидуальном уровне от невозможности достичь желаемого соответствия европейским стандартам.

В главе 3 “Остаться японцем” показано, как к концу 1920-х гг. в Японии нарастает страх “потерять свое лицо, свою культуру”, «в ее мирном и безвольном растворении в мировом “вещизме”». Автор, по-моему, весьма точно характеризует ситуацию в стране как “усталость от комплексов” (с. 311). Теперь больше прислушиваются к мнению, что человек, слепо копирующий чужие образцы (в том числе и в требованиях к своему телу) и, главное, предающий забвению свои собственные традиции, никогда не добивается успеха (с. 312). Впрочем, такие мнения высказывались и в конце XIX в., но тогда они не были востребованы. Весьма популярными становятся произведения, затрагивающие тему “особости” японцев: доказательства “тактильной”, “осозательной” темы в культуре страны, недоступной-де на Западе; зависимости поведения, характера и стиля жизни человека и народа от природных условий и климата (при этом мысли о проверке подобных теорий практикой не возникало). И чем менее по стилю жизни японцы отличались от европейцев, “тем желание самоидентификации становилось только сильнее” (с. 331).

Глава 4 “Национализация тела” посвящена главным образом казуистическим попыткам выйти из специфического противоречия “создания народного государства, сердцевину которого образует монарх, подвергнувшийся усиленной сакрализации”. «Не “народ” – через посредство выборов или кровавых революций – является источником его [императора] власти (что характерно для западной цивилизации), а он сам (его тело и кровь) является для народа источником жизни» (с. 334). Возникает уподобление государства человеческому телу; в зависимости от политических и мировоззренческих убеждений государству-телу приписываются разные и даже конфликтующие смыслы; политики полагают, что “правитель подобен духу, народ же подобен телу”; в недрах университетов рождается постулат – “неотъемлемое свойство [политической] системы японского народа состоит в том, что она является кровным образованием... Нашим общим предком является внушающий трепет Небесный императорский предок” (с. 337). И в 1934 г. писалось, что «“личность” является принадлежностью государства – точно так же как руки, ноги и сердечная мышца являются принадлежностью человеческого организма» (с. 339).

Глава 5 “Упразднение телесной оболочки: стать японцем” показывает, что даже спорт – казалось бы, средство развития телесности отдельного человека и воспитания духа соревновательности, становился лишь, с одной стороны, способом поучаствовать в ритуале поклонения императору (с. 371), с другой – рассматривался как инструментальное средство для подъема и закалки коллективного народного духа, а не каждого человека в отдельности. Японские идеологи утверждали, что примат духа над телом есть достояние уникальной японской культуры, и в этом состоит ее превосходство над “материалистичным” Западом (с. 386).

Автор довольно резко пишет, что “комплекс телесной неполноценности, который выдавался за комплекс духовного превосходства”, “комплекс обиды за то, что Запад продолжает рассматривать Японию как азиатскую страну, дискриминирует ее по расовому признаку”, провоцировал

непредсказуемое и не подчиняющееся логике “поведение японских мужчин”. «“Эмоциональный” фактор, заключающийся в причудливом сочетании» этих чувств, “обладал огромной силой” (с. 396). Страна, оказавшаяся в состоянии войны с половиной мира, вовсе не руководствовалась рационалистическими соображениями. Западные лидеры, исходя из геополитических соображений и достижимости целей, не верили в возможность того, что японским политикам придет в голову идея ввязаться в мировую войну.

В Постскриптуме А.Н. Мещеряков признается, что работа над книгой поставила перед автором “множество проблем – как исследовательских, так и экзистенциальных”. “Рассмотренные события и источники подталкивали к мысли”, что “господствующее представление о принадлежности тела в значительной степени формировало и более общий культурно-исторический фон” (с. 404). При укоренившейся господствующей идее “государства-тела” во имя обеспечения единения всех людей («потенциальных “японцев”») тем не менее “каждая отдельная клетка (человеческое тело) обладает определенной автономностью, функциональностью, интересами и местом в государственной (телесной) иерархии”. Но во второй половине периода Мэйдзи началась “национализация” тела, когда «интересы государства (“Великой Японской империи”) объявлялись превыше интересов образующих его “органов”» (с. 405). Не стоит забывать при этом, что тоталитарная культура к тому же «“отменяла” все материальное, включая и персональное тело с его “эгоистическими” потребностями и проявлениями» (с. 409). «Содрав с души телесную оболочку, пишет автор, выдавали получившееся за “настоящего” японца» (с. 410). Но после Второй мировой войны завоевывает все “более широкое распространение мнение” о “принадлежности тела самому индивиду”, что, по мнению А.Н. Мещерякова, приводит (вовсе не в одной Японии, но и во всем мире) не только к безмерному потаканию желаниям тела, убажливанию его, но и к лишению себя жизни («просто потому, что так “хочется”»). В условиях «автономного существования тела забота о теле “другого” воспринимается как обуза и помеха для бытия собственного тела», свидетельством чему, считает автор, являются рост количества домов для престарелых, “драматическое падение” рождаемости. Но, заключает он оптимистически, по закону маятника, через какое-то время “в отличие от сегодняшнего дня, когда самым устойчивым бизнесом в Японии является похоронный, родильные дома вновь станут более посещаемым местом”.

Книга А.Н. Мещерякова богата фактическим материалом, она прекрасно написана и читается с захватывающим интересом. И здесь играют роль не только знания, талант и стиль автора, главное – выбранная им точка зрения: рассмотрение жизни отдельного человека, условий его проживания (включая взаимоотношения с вышестоящими на всех уровнях), среды обитания, надежд и разочарований. К сожалению, признаем, не самый популярный взгляд на главное – особь человеческую в жерновах истории. К тому же эти изыскания нынче более чем актуальны, ибо человек “обыденный” любой страны в периоды реформ, резких социальных изменений переживает нечто подобное тому, что так прекрасно показано А.Н. Мещеряковым в разные периоды эпохи Мэйдзи. Изыскания автора подводят к мысли, что правители иных стран часто плохо учитывают ту историческую информацию, которая хранится в “спинном мозгу” их подданных.

В ТАИНСТВЕННОЙ СТРАНЕ МАДАГАСКАР. ГОД 2008.

Сост. Л. Карташова. М.: КДМ, “Экон-информ”, 2012. 196 с.

© 2013

Э. С. ЛЬВОВА

Книги об истории и культуре Африки все чаще появляются на прилавках магазинов. Это, как правило, строго научные издания либо сиюминутные журналистские репортажи. Но среди них почти не найти работ о самом большом островном государстве – Малагасийской Республике. Тем значимее работа, которую уже много лет проводит знаток Мадагаскара, его истории, языка, культуры действительный член Малагасийской Национальной Академии Л.А. Карташова, бесценный составитель этих сборников.

Рецензируемый выпуск посвящен, как и прежние, событиям, связанным с одним годом, 2008-м (как прежние – 2005, 2006, 2007-й), – либо происшедшим в этом году, либо юбилейным. Он традиционно состоит из семи разделов: “История”, “Россия и Мадагаскар”, “Религия”, “Культура”, “Литература”, “В мире природы” и “Путешествия”. Дополняет эти разделы приложение,